

ИНИЦИАТИВА МЕДВЕДЕВА СИЛЬНА АМБИЦИЯМИ

Анатолий Торкунов

Октябрьский референдум подвел черту под конституционным кризисом в Европейском союзе. Новый договор позволит ЕС адаптироваться к новым условиям работы в составе двадцати семи, а дальше и порядка тридцати государств. Он поможет по-новому выстраивать свою внутреннюю и внешнюю политику.

Интеграционный проект, реализуемый ЕС, очень перспективен. Напрямую в Лиссабонском договоре вопросы построения

Большой Европы не затрагиваются. Хотя в перспективе ЕС будет усиливать свое влияние на развитие всего региона, а не только того, который образует его территорию. Он будет стремиться к экспорту тех политических, юридических и социально-экономических решений, которые он для себя нашел. Он будет добиваться того, чтобы на них ориентировались и все другие европейские страны.

Россия, со своей стороны, предлагает более демократичное видение Большой Европы. В соответствии с ним РФ, ЕС, все третьи европейские страны должны совместными усилиями создавать тот мир, в котором мы хотели бы жить. Важно, чтобы он строился на равноправной основе, чтобы в нем комфортно чувствовали себя все страны и все народы.

В краткосрочной и даже среднесрочной перспективе речи о том, чтобы оставшиеся вне ЕС страны Большой Европы влились в ЕС, просто не идет. К этому никто не готов. Европейский союз этого не выдержит. Вхожде-

ние ЕС в Большую Европу также не актуально. С одной стороны, ЕС уже находится в Большой Европе. С другой — Большая Европа пока скорее надежда на лучшее будущее, нежели реальность.

Договор о европейской безопасности нуждается в перезаключении. Многие его базовые элементы закреплены в Хельсинкском акте, а также документах ОБСЕ. Их можно и нужно использовать, адаптировав к потребностям сегодняшнего дня. Вместе с тем часть договоренностей, которые должны лежать в основе евро-атлантической безопасности, нужно переосмыслить. Они получили порой двусмысленную интерпретацию в практике международных отношений. Задача сегодняшнего дня — выйти на общее понимание того, как и какие правила игры все государства, любые администрации и правительственные структуры должны соблюдать в своей повседневной деятельности.

Анатолий Торкунов — ректор Московского государственного института международных отношений (университета), академик Российской академии наук, доктор политических наук. В 1977–1983 годы — старший преподаватель, доцент кафедры истории и культуры стран Азии и Африки, декан по работе с иностранными учащимися, проректор по международным связям МГИМО. В 1983–1986 годы — второй, а затем первый секретарь Посольства СССР в Вашингтоне. После возвращения из США был избран деканом факультета международных отношений МГИМО (У), в мае 1989 года назначен первым проректором, в октябре 1992 года избран ректором МГИМО (переизбирался в 1997 и 2002 годах).

С 1997 года Анатолий Торкунов — член коллегии МИД России. Является председателем, президентом, членом Научного совета при Совете безопасности РФ. С 2007 года — член президиума Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию. Входит в состав редакционных коллегий и советов журналов «Мировая экономика и

международные отношения», «Международная жизнь», «Космополис», «Россия в глобальной политике», «Право и управление».

Перу Анатолия Торкунова принадлежит шесть монографий по различным аспектам международных отношений. Особое место среди них занимает книга «Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг.» (М., 2000), в которой анализируются малоизвестные документы из архива Президента РФ. С точки зрения Торкунова, именно Корейская война стала важнейшим фактором углубления холодной войны, появления НАТО и ОВД, подтолкнула СССР к подавлению ростков демократии, а США — на противодействие национально-освободительному движению в третьем мире.

Торкунов имеет государственные награды Франции, Республики Корея, Монголии, Болгарии, Кыргызстана, Казахстана, Белоруссии.

Анатолий Торкунов — участник международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность», прошедшей 14 сентября 2009 года в Ярославле.

Однако инициатива Дмитрия Медведева, касающаяся Договора о европейской безопасности, гораздо более амбициозна. Нам нужны не только общие правила, не только добрые слова и замечательные обещания. То, что требуется, — это совершенствование действующих организационных структур и механизмов безопасности в евро-атлантическом пространстве и их доработка новыми. В этом плане предстоит сделать очень много. На то, в каком направлении, указывают, в частности, предложения Петербургского диалога о создании совместного многофункционального центра по оценке рисков. Суть инициативы — предоставить и Штатам, и ЕС, и России, и всем другим заинтересованным сторонам возможность запускать механизмы превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов на самых ранних этапах их зарождения. А ведь это только одно из предложений.

Инициатива Медведева намного шире, нежели постановка вопроса о каких-то одних, пускай и очень важных, переговорах. Сама идея договора задает позитивное направление развитию международных отношений

ции пойдут в большем объеме, и о больших экономических проектах легче будет договориться, и перспективы сближения правовых порядков и гармонизации законодательства в рамках Большой Европы станут гораздо менее иллюзорными.

Дефицит демократии есть всегда. В интересах всех стран — сотрудничать на направлении развития демократии, не пытаясь спрятаться за истончившейся скорлупой национальных суверенитетов. Казалось бы, страны, входящие в ЕС, являются цитаделью демократии. Тем не менее одно из важнейших назначений Лиссабонского договора — сделать ЕС более демократичным, уменьшить колоссальный разрыв между нуждами простого человека и брюссельскими кабинетами, придать ему большую демократическую легитимность.

Мы все за совершенствование демократического порядка в наших странах. Мы все сделали демократический выбор. Мы все понимаем, что за демократией будущее. Проблема в другом. **Никто не должен обладать монопольным правом на вынесение оценки демократичности.** Мы все должны относиться друг к другу

тики. Не стоит искать здесь параллели с российской дискуссией о суверенитете, которая по своей сути в значительной степени уникальна. При этом «стандарт» суверенитета, за исключением уже имеющегося, устоявшегося его понимания, вряд ли можно выработать.

Идеальной координации по глобальным проблемам в рамках международного сообщества достичь не удастся никогда, в противном случае мы будем все время предпринимать бесплодные усилия в русле концепции «мирового правительства». Оптимум же вполне достигим — это было задачей и Лиги Наций, и ООН. Разветвленная система многосторонних отношений, в которой сплетены классические международные организации, универсальные, региональные, субрегиональные, секторальные структуры, в сочетании с «клубами» («восьмерка», «двадцатка» и др.) как раз и представляют собой механизм такой координации. Эта система может бесконечно дорабатываться, корректироваться, в каких-то областях создавать весьма жесткие международно-правовые режимы (нераспространения, морского права, прав человека), но в любом случае **источником этих изменений остается политическая воля суверенных государств.** Хотя не следует исключать и логики собственно внутриинституционального развития. ■

ЕС будет стремиться к экспорту тех политических, юридических и социально-экономических решений, которые он для себя нашел

в Евро-Атлантическом регионе. Она способствует оздоровлению обстановки, создает неплохие общеполитические условия для успеха переговоров и на многих других направлениях. Инициатива разработки договора, затрагивающего, прежде всего, проблематику «жесткой безопасности», создает предпосылки и для более эффективного сотрудничества всех заинтересованных сторон также и в области права, экономической и социальной политики.

Скажем, если удастся более эффективно обеспечить безопасность в Евро-Атлантическом регионе, решить проблемы взаимного доверия, то и инвести-

по-дружески и уважительно.

Дискуссия же по проблемам суверенитета — удел, скорее, относительно новых или находящихся в поисках своей идентичности стран. Эти проблемы находятся в некоем консенсусном поле в странах Западной Европы и активно обсуждаются в Восточной. Направления этих дискуссий в значительной степени связаны с проблематикой ЕС и развиваются скорее в юридическом, нежели политологическом русле, где отправной точкой является проблематика взаимодействия с Европейским союзом, его расширяющихся полномочий в сфере иностранных дел, обороны, безопасности, финансовой поли-